

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

ЦАРСКАЯ ВЛАСТЬ В ТАРТЕССИДЕ

Литературная традиция единодушна, считая исходной формой политического развития всех государств Средиземноморья царскую власть. Она сообщает о существовании царских династий в Афинах, Риме, Карфагене, царей в этрусских городах-государствах. Тартессиде в этом отношении не представляет исключения. Можно рассчитывать на то, что в сохранившихся тартессийских надписях упоминаются цари и содержатся сведения о политической истории. Но эти надписи пока для нас немые. Основным источником для суждения о царской власти в Тартессиде остается литературная традиция, дополняемая данными археологии.

Древнейшие сведения о царской власти в Тартессиде сохранил Гесиод, упоминающий о сражении Геракла с правителем Эрифеей Герियोном. Поскольку, по Гесиоду (Theog. 287 слл.), Эрифеей со всех сторон окружена водой, Герiona отождествляли с тартессийским царем Героном, владевшим островной крепостью в устье Гвадалквивира (Avien, Ora maritima 263; 304).

О Герione упоминается в фрагментах из поэмы Стесихора (VII в. до н. э.) «Герионеида»¹. Согласно Стесихору, Герион родился в пещере напротив Эрифеей, рядом с неисчерпаемыми источниками Тартесса, изобиловавшими серебром. Таким образом, у Стесихора Герион — царь Тартесса (FHA, I, 163), в то время как Гесиод связывает Герiona с Эрифеей. К 530 г. до н. э. относится упоминание Анакреонта (ар. Strab. III, 2, 14) о 150 годах царствования безымянного тартессийского царя.

Более обстоятельные сведения о Тартессиде передает Гекатей Милетский, но поскольку целью автора было снабдить мореплавателей сведениями о народах и городах, он, по-видимому, не касался их политического устройства. Однако из самого перечисления можно сделать вывод, что каждое из племен имело свою политическую организацию, и возможно, царя. Гекатей критически относится к сообщениям своих предшественников, посягающим на мифологический характер. Судя по сохранившимся у Стефана Византийского фрагментам, Гекатей ничего не знал об Эрифее с ее правителем Герियोном (Hecat., frg. 3—5 Müller).

Геродот вводит Тартесс в историю фокейской колонизации периода мидийско-лидийского кризиса конца VII в. до н. э. Тартесс рассматривается как крайний пункт разведывательной экспедиции фокейцев на Дальний Запад. Промежуточными пунктами были Тиррения и Иберия. Интересно, что Геродот (I, 163) не отождествляет Тартесс и Иберию. Он, видимо, разделяет мнение о том, что Тартесс — это остров в районе Иберии или какая-нибудь самостоятельная территория. В рассказе Геродота впервые появляются сведения о тартессийских царях и их политике. Тартессийский царь Аргантоний изображен мудрым патриархом, царствовавшим 80 и прожившим не

¹ О популярности Иберии и Тартесса в кругах греческих мореплавателей и торговцев говорит тот факт, что Стесихор написал три поэмы о подвигах Геракла на Дальнем Западе: Geryoneis, Kerberos, Skylla (RE, S. v. Skylla, стб. 648).

менее 120 лет; он властвовал над довольно значительной территорией, так как предложил мореплавателям поселиться на его земле где им будет угодно. Когда они отклонили это предложение, Аргантоний выделил средства для возведения стен Фокеи. Протяженность стен и качество кладки позволяют Геродоту (I, 163) заключить о том, что Аргантоний не поскупился.

Ко времени переселения фокейцев Аргантония уже не было в живых (Герод., I, 165). И хотя из контекста ясно, что Тартесс как государство мог существовать, видимо, его новый царь не был столь гостеприимен.

Источниками Геродоту, вероятно, служили устные рассказы фокейских мореплавателей, с которыми он мог сталкиваться, живя на юге Италии в Фуриях², мимо которых проходил древнейший путь из Ионии в страны Дальнего Запада. Сведения Геродота могут быть дополнены материалами археологии. В ряде тартессийских некрополей вскрыты гробницы, выделяющиеся размерами и особым богатством погребального инвентаря. Таковы погребения в некрополях Карамболо и Эворы³, на интерпретации которых мы остановимся ниже.

Эфор (IV в. до н. э.), по-видимому, первый из греческих авторов, который пользовался сведениями о Тартессиде, восходящими к самим тартессиям. Во всяком случае у Страбона (I, 2, 26) и Авиена (*Orn. mar.* 54) сохранились сообщения о тартессийских анналах, использованных Эфором. Разумеется, речь может идти лишь о греческом переложении анналов наподобие передачи греками финикийских периплов Гимилькона и Ганнона. Очевидно, в начальный период фокейской колонизации, совпавший с расцветом тартессийского государства, греки при составлении перипла могли пользоваться материалами тартессийских лодманов и торговцев, содержавшими наряду с географическими сведениями и некоторые данные политического характера.

К Эфору, очевидно, восходят и сведения Помпея Трога, сохранившиеся у Юстина (XLIV, 4, 1 слл.). Трог — единственный автор, сохранивший список древнейших тартессийских царей и элементы политической истории Тартессиды. Легендарной истории Тартессиды Помпей Трог находит параллель в истории Рима царской эпохи, полагая, что она заслуживает такого же доверия. В его изложении варварский народ обладает столь же славной историей, как и римляне, и такими же великими царями, как Ромул и его преемники. Большую ценность представляет сообщение Помпея Трога о падении царской власти в Тартессиде в результате карфагенского завоевания (*Iust.*, XLIV, 4, 14).

В отличие от истории римских царей, ставшей предметом многовековых дискуссий и почвой для возникновения критического направления в историографии, споры вокруг тартессийских царей отражают процесс замедленного развития испанской историографии и ее чисто национальные проблемы.

Уже в XVI в. делались попытки восстановления списка древнейших иберийских царей. Анний Витербенский создал список 24 испанских монархов, царствовавших задолго до основания Рима⁴. Список открывает сын библейского Яфета Тубал, от которого, по мнению Анния, произошли иберы. Имена других монархов произведены от названий рек и местностей (Ибер, Таг, Таррагон) или персонажей греческой мифологии (Герион). Эти сообщения подкреплялись ссылками на вавилонского жреца Вероса, но приведенные Аннием цитаты, взятые будто бы из неизвестной рукописи, как выяснилось впоследствии, были сочинены им самим. Несмотря на грубые фальсификаторские приемы Анния, его мысль о глубокой древности иберийской государственности (сама по себе не противоречившая, по сути дела, сведениям античной традиции) нашла поддержку у испанских историков последующих веков.

² В. Фреуер-Schauenburg, *Kolaios und die westphönizischen Elfenbeine*, MM, 5, 1966, стр. 90.

³ J. de Mata Carriazo, *El tesoro y las primeras excavaciones en «El Carambоло»*, EAE, 68, 1969; он же, *El tesoro y las primeras excavaciones de Evora*, EAE, 69, 1970; он же, *El cerro del Carambоло, «Tartessos y sus problemas»*, Barcelona, 1969.

⁴ Annius, *De primis temporibus, quattuor ac viginti regibus Hispaniae liber*, Lugduni, 1554.

В вышедшей в 1784 г. «Критической истории Испании» Х. Маздоя остро ощущается националистическая тенденция отрицания всех сведений античной традиции о колонизации Испании финикийцами и греками. Это рождает у него скептическое отношение к почерпнутым греческой мифологией сообщениям о тартессийских царях. Х. Маздой стремится связать происхождение тартессиев и их древнейших царей с библейской генеалогией. Признавая в целом фальсификацией созданный Аннием список тартессийских царей, он тем не менее считает Тубала родоначальником иберов и их древнейшей царской династии⁵.

Вопрос о происхождении и характере царской власти в Тартессиде был поставлен на научную основу только в XX в. А. Шультен⁶, следуя за античными авторами, выделил две царские династии — легендарную и историческую. Представителями первой были, по его мнению, Гаргорис и Габис⁷. А. Шультен излагает, по Юстину, осуществленные ими мероприятия, не делая попыток их критической оценки. Вопросы хронологии первой царской династии также не ставятся автором, который основное внимание уделяет характеристике царя Гериона. Исходя из упоминаний о нем у многих древних писателей (Авиен, Силий Италик, Помпей Трог, Макробий), А. Шультен признает Гериона реальным историческим лицом⁸. Исследователя не смущает различная транскрипция его имени у разных авторов: Geryoneus у Стесихора, Geronus у Авиена, Thegonus у Силия Италика и Макробия. По его мнению, это результат разной степени ассимиляции местного имени Garoleius, неоднократно встречающегося в иберийских надписях⁹.

Опираясь на сообщение Макробия о сражении тартессиев под предводительством Ферона-Гериона с финикийцами Гадеса, А. Шультен относит время правления этого царя к начальному периоду финикийско-тартессийских связей (XII—XI вв. до н. э.). Характеристике Ферона как rex Hispaniae Citerioris А. Шультен не принимает во внимание, относя ее за счет неосведомленности Макробия¹⁰. В сообщении Стесихора о трех головах этого монарха А. Шультен считает возможным видеть указание на три острова близ Столбов Геракла и заключает отсюда, что Герион властвовал над островной частью Тартессиды¹¹.

Из потомков Гериона А. Шультен называет его внука Норакса и Аргантония. Имя последнего он считает греческой транскрипцией этрусского (тирренского) arncti¹².

Переходя к вопросу о происхождении царской власти в Тартессиде, А. Шультен останавливается на теории заимствования, которая ближе всего подходила к его концепции об иммиграции тирренов-тартессиев в Испанию из Малой Азии. При этом он не воздерживается от унизительных характеристик иберов — предков древних испанцев, которые, будучи «анархистами», якобы не могли иметь своих царей и были способны лишь к подчинению восточным тирренским правителям¹³.

Испанские исследователи Х. Каро Бароха¹⁴, А. Гарсия-и-Бельидо¹⁵, А. Монтенегро¹⁶ и другие отвергли такое объяснение, но в характеристике легендарных и исторических династий примкнули к А. Шультену. Новой явилась лишь попытка применения метода аналогий к решению вопроса о характере царской власти. Исходя из теории Дж. Фрейзера о сохранении пожизненной власти древних царей с помощью

⁵ J. Mas de u, Historia crítica de España, II, Madrid, 1784, стр. 39.

⁶ A. Schulten, Tartessos. 3 ed., Madrid, 1971. Первое издание: Berlin, 1922.

⁷ Schulten, Tartessos, стр. 212 слл.

⁸ Schulten, Tartessos, стр. 75.

⁹ Там же, стр. 74.

¹⁰ Там же, стр. 72.

¹¹ Там же, стр. 75.

¹² Там же, стр. 32, 37.

¹³ Там же, стр. 215.

¹⁴ J. Carro Baroja, Los Pueblos de España, Madrid, 1946, стр. 129.

¹⁵ A. García y Bellido, La Península Ibérica en los comienzos de su historia. Madrid, 1953, стр. 64.

¹⁶ A. Montenegro Duque, Los pueblos del mar en España y la nueva revisión de la historia de Tartessos, BSEAA, XXXVI, 1970, стр. 256 слл.; он же, Historia de España, I, Madrid, 1972, стр. 268—301.

различного рода магических обрядов, Х. Каро Бароха считает власть тартессийских правителей пожизненной¹⁷.

Точка зрения А. Гарсии-и-Бельидо на царскую власть в Тартессиде отличается от шультеновской лишь в деталях. По его мнению, внук Герiona Норакс не был его преемником на царском троне. Рожденный в незаконном браке, он был вынужден покинуть Тартессиду. На Западном побережье Сардинии Норакс будто бы основал первый город и дал ему свое имя — Нора¹⁸. Обращает внимание попытка А. Гарсии-и-Бельидо объяснить причины дружественного отношения Аргантония к фокейцам. Тартессии, по его мнению, стремились избавиться таким образом от торгового засилья финикийцев в Западном Средиземноморье¹⁹.

Х. Малукер де Мотес²⁰ в статье, специально посвященной вопросу о царской власти в Тартессиде, справедливо отмечает, что данные традиции о царях тартессиев еще не исчерпаны, и пытается дать им новую интерпретацию. Мы последуем этому пути, постоянно обращаясь к результатам, полученным в исследовании испанского ученого.

Анализ античной традиции позволяет выяснить вопросы эволюции царской власти, последовательности смены мифических и исторических династий, установить некоторые реальные детали, характеризующие царскую власть и политику царей.

Представляется возможным говорить о двух легендарных династиях тартессийских царей — о династии Герiona и династии Гаргориса. Гесиод возводит род Герiona к бессмертному Урану. Из головы внучки Урана титаниды Медузы Горгоны, срезанной серпом Персея, родился у «ключей океанских» Хрисаор, владелец золотого меча; он и стал отцом Герiona, матерью которого была дочь могущественного титана Океана Каллироя (Theog. 280—287). Можно попытаться выделить рациональное зерно в этой легендарной традиции.

Гесиод (Theog. 287; FNA, I, 163 сл.) и Стесихор говорят о Герione как о трехтелом или трехглавом чудовище. А. Шульген (о чем уже говорилось выше) толкует это как объединение трех островов близнецов (т. е. одинаковых по величине) под властью одного правителя²¹. С этим предположением А. Шульгена согласуются другие данные античных авторов. Авиен (Ora mar. 263; 304) дважды упоминает о существовании близ Гадеса островной крепости — *Atx Gerontis*, которую он же отождествляет со столицей тартессиев (*urbs opulens*), обнесенной крепостной стеной. Помпей Трог тоже называет Герiona правителем островной части Тартессиды²².

Х. Малукер де Мотес идет по иному пути, видя в рассказе о трехтелости Герiona аргумент для обоснования точки зрения о местном происхождении мифа о нем. Автор обращается к мифологии кельтов, насыщенной трехтелыми и трехчленными чудовищами и божествами. Он ссылается на мнение Р. Гревса об обычных для кельтской мифологии превращениях трехчленного героя в триаду Бриан — Лухар — Юхарба, не находя, однако, этому убедительных параллелей в мифологии тартессиев²³. У Гесиода отсутствуют также какие-либо намеки на существование у Герiona сына — бога света, о котором ведет речь Х. Малукер де Мотес.

Развивая свое мнение о местном происхождении мифа, автор полагает, что греками он был заимствован в VII в. до н. э. через посредство финикийцев²⁴. Последнее представляется весьма вероятным, однако заимствование должно быть отнесено к гораздо более раннему времени, когда греки не имели собственных возможностей плавать

¹⁷ C a r o B a r o j a, Los Pueblos de España, стр. 132.

¹⁸ A. G a r c í a y B e l l i d o, Protohistoria: Tartessos, HE, I, fasc. 2, Madrid, 1953, стр. 305.

¹⁹ Там же, стр. 305.

²⁰ J. M a l u q u e r d e M o t e s, Tartessos y su «historia», «Tartessos y sus problemas», Barcelona, 1969, стр. 389—407.

²¹ S c h u l t e n, Tartessos, стр. 75.

²² Он сообщает, что владения Герiona находились «in alia parte Hispaniae et quae ex insulis constat» (Iust., XLIX, 4, 14).

²³ M a l u q u e r d e M o t e s, Tartessos y su «historia», стр. 391.

²⁴ Там же, стр. 400.

на Дальний Запад. Возможно, что обрастание личности реального тартессийского монарха различными мифическими чертами имело место уже на греческой почве, поскольку число «три», троичность присущи древнегреческому, иранскому мифу и мифу ариев не в меньшей степени, чем более позднему кельтскому²⁵.

Х. Малукер де Мотес выделяет из мифа о Герионе и другие исторические сведения. Рождение Гериона от Океаниды Каллирои свидетельствует, по его мнению, о местоположении царства Гериона, Тартесса, на крайнем Западе²⁶. Об этом же может говорить и другое сообщение Гесиода — о рождении Гериона и Пегаса близ «ключей океанских», — оставленное без внимания Х. Малукером. Свидетельство о золотом мече Хрисаора он истолковывает как указание на невиданное богатство недр Тартессиды золотом²⁷.

Самые важные детали характеристики Гериона и образа его правления, выпавшие из поля зрения Х. Малукера, — это местное происхождение царской власти (рождение Гериона близ «Океана», «у ключей океанских»), ее глубокая древность и религиозный характер (принадлежность Гериона к роду Уранидов).

Стесихор в поэме «ГерIONEИДА» (посвященной десятому подвигу Геракла — захвату быков Гериона) сообщал, что царь оказал герою сопротивление, но, пронзенный стрелой Геракла, умер, а победитель доставил его стадо в Тиринф. Таким образом, царствование Гериона, видимо, можно отнести к эпохе микенских царей²⁸.

Со смертью Гериона его династия не прекращает своего правления. Власть наследует Норакс — сын дочери Гериона Эрифей и Гермеса (Paus., X, 17, 5; Solin., IV, 1). В поэме Стесихора ярко проступают черты этого отважного и предприимчивого царя. Павсаний сообщает, что Норакс во главе отряда иберов осуществил поход на далеко отстоящий от Тартессиды остров Сардинию и основал на ее западном берегу первый город-колонию Нору (там же). Можно видеть здесь отражение могущества древнейших тартессийских монархов, завоевательного характера их политики.

Х. Малукер на основании этих сведений считает, что Сардиния действительно была некогда колонией Тартессиды. Дополнительным аргументом, по его мнению, служат многочисленные находки тартессийского экспорта на территории Сардинии²⁹. Подобную точку зрения высказывает советский исследователь И. Ш. Шифман³⁰. Нам кажется, что осторожнее было бы говорить о длительных торговых связях Тартессиды с сардами. Их установление относится ко времени культуры колоколообразной керамики (приблизительно 1800—1600 гг. до н. э.), о чем свидетельствуют ее многочисленные находки не только в Сардинии, но и на Корсике, Сицилии и других островах Центрального Средиземноморья³¹.

На раннее время установления этих контактов указывают также упоминания Стесихора и Аполлодора о том, что колонизационная экспедиция Норакса состоялась при Гилле Старшем, сыне Геракла и Деяниры (FHA, 1, 163, Apoll., 7, 7). Согласно греческим мифам, он решил возглавить дорийцев в походе против пелопоннесцев, чтобы отомстить за смерть своего отца, однако, не вняв предсказанию Дельфийского оракула, погиб в небольшой стычке и не успел осуществить задуманный план (Diod. IV, 57, Paus., I, 44, 10). Дорийцы повторили предприятие Гилла через сто лет и вновь

²⁵ G. Dumézil, Jupiter, Mars, Quirinus, P., 1943; он же, L'ideologie tripartite des indoeuropeens, Bruxelles, 1958.

²⁶ Maluquer de Motes, Tartessos y su «historia», стр. 391.

²⁷ Там же.

²⁸ Само посещение Тартесса Гераклом Тиринфским можно рассматривать как свидетельство контактов тартессийцев с западными греками на рубеже II—I тыс. до н. э. К настоящему времени известно значительное количество керамических изделий из Родоса, импортированных в IX в. до н. э. в Испанию. Кстати, по ее фрагментам можно проследить эволюцию мифов о подвигах Геракла на Западе.

²⁹ Maluquer de Motes, Tartessos y su «historia», стр. 392 слл.

³⁰ И. Ш. Шифман. Возникновение Карфагенской державы, М.—Л., 1968, стр. 52 сл.

³¹ P. Bosch-Gimpera, I Rapporti fra le civiltà mediterranee nella fine della età del bronzo, «Convegno Archeologico Sardo, 1926», Reggio nell'Emilia, 1929, стр. 95 слл. он же, La Formación de los pueblos de España, México, 1945, стр. 93 слл.

потерпели неудачу, только третье поколение Гераклидов получило предсказание оракула о благоприятном исходе и, видимо, добилось успеха. Таким образом, по-видимому, связи с Сардинией были установлены тартессиями задолго до дорийского нашествия на Пелопоннес, а время правления Норакса совпадает с наивысшим могуществом Микенской державы.

Археологические исследования последних десятилетий позволили более точно определить хронологические рамки сардско-тартессийских связей. Это длительный период между II периодом мегалитической культуры на Пиренейском полуострове и концом эпохи бронзы³². Интенсификация отношений в первой половине I тыс. до н. э. засвидетельствована увеличением находок — слитков, лепешек, оружия, бронза в Са-идда и т. д.³³ В бассейне Гвадалете найдена рукоять сардского меча VII в. до н. э.³⁴ Родство названий сардской *Noga* и тартессийского *Nogax*, если не считать его случайным совпадением, можно объяснить очевидной лингвистической близостью древнейших народов Западного Средиземноморья, главным образом Испании и островов³⁵.

Упоминание Стесихора о Гилле помогает уточнить время правления Норакса.

Сведения о второй легендарной династии тартессийских царей известны из другого цикла легенд и мифов. Это мифы о тартессийских «культурных героях» Гаргорисе и Габисе. Они имеют очень древнее местное происхождение. Известно, что «культурный герой» — демиург — возникает у средиземноморских народов еще в эпоху первобытного строя³⁶. В результате длительной эволюции этого героя в центральный персонаж эпического цикла его образ становится доступным для заимствования различными чужеземными мифологиями. Помпей Трог при передаче местного мифа о Габисе использовал широко распространенный вариант «бродячего сюжета» о детстве великих основателей государств (Моисей, Кир, Ромул и т. д.). В результате миф оказался настолько переработанным, что в качестве его местных деталей можно отметить лишь имена героев и лань, заменившую Габису мать в годы его детских скитаний. Лань, судя по приписываемому ей покровительству Вириату и Серторию (Plut., Sert. 11), была священным животным древнейших обитателей Пиренейского полуострова.

Помпей Трог — единственный автор, сохранивший список царей второй легендарной династии Тартесса.

Список открывается Гаргорисом, нашедшим способ собирания меда (Iust., XLIV, 4, 1). Гаргорис рисуется жестоким, деспотичным властелином, стремящимся избавиться от наследника престола. Он бросает на произвол судьбы своего внука, рожденного его дочерью в незаконном браке. Младенец был пощажён дикими зверями и собаками, вынесен морем на берег и воспитан в оленьем стаде. После долгих лет скитаний внук был признан дедом и сменил его на престоле. Он стал царем под именем Габиса. Это имя, видимо, восходит к тартессийскому языку³⁷.

Габис в изложении Помпея Трога выступает как первый законодатель. Он начал иберов плужному земледелию и употреблению растительной пищи. Он же распределил труд среди различных слоев тартессийского общества, запретив народу (*populus*) выполнять рабские работы, а плебс (*plebs*) разделил между семью городами³⁸. Таким образом, Габис представлен инициатором юридического закрепления классового деления тартессийского общества.

³² L. Bernabo Brea y M. Cavalier, Il Castello di Lipari, Palermo, 1958.

³³ J. M. Blázquez, Fuentes griegas y romanas referentes a Tartessos, «Tartessos y sus problemas», стр. 106.

³⁴ Там же

³⁵ Т. П. Кац отказывается видеть какие-либо следы пребывания тартессиев в Сардинии (Т. П. Кац, Финикийцы в Сардинии, сб. «Норция», Воронеж, 1971, стр. 58); она же, Античные традиции о колонизации Сардинии, «Античный мир и археология», Саратов, 1972, стр. 101—103).

³⁶ Е. М. Мелетинский, Происхождение героического эпоса, М., 1963, стр. 32; Е. С. Котляр, О «культурном герое» африканской мифологии, СЭ, 1966, № 2, стр. 96.

³⁷ Schulten, Tartessos, стр. 214.

³⁸ Iust. XLIV, 4,16; Ab hoc et ministeria servilia populo interdicta et plebs in septem urbes divisa.

Археология не только подтверждает сведения] античной традиции, но и свидетельствует о высокой стратификации тартессийского общества, знавшего классовое и сословное деление³⁹.

Этот пассаж Помпея Трога, будучи уникальным для изучения политической истории Тартесса, вызвал множество самых различных толкований. Х. Малукер де Мотес ошибочно, как нам кажется, полагает, что речь идет о делении тартессийского общества на семь классов и о запрещении знати выполнять рабские работы⁴⁰. Замена Х. М. Бласкесом и рядом других ученых *urbes* на *ordines* также не имеет смысла, поскольку противопоставление *populus* — *plebs*, явствующее из этой фразы, и запрещение первому исполнять рабские работы говорит об уже существовавшей социальной дифференциации общества. Трудно представить сословие *plebs* поделенным еще на семь сословий — *ordines*⁴¹.

Династия Гаргориса и Габиса правила в течение многих веков, вплоть до карфагенского завоевания (*Iust.*, XLIV, 4, 14; 5, 1). Помпей Трог повествует о ходе карфагенской экспансии в Тартессиду — первоначально карфагеняне оказывали помощь своим «соплеменникам» — гадитанам — в их борьбе против тартессиев, а затем подчинили своей власти часть Тартесса (там же, 5, 2—3).⁴²

Рассказы о «культурных героях» и монархах-законодателях отражают необходимый этап в политическом развитии древнейших обществ Средиземноморья. Тартессиды в этом отношении не исключение. Предполагаемое правление Габиса исторически должно соответствовать периоду знакомства и установления первых контактов тартессиев с финикийцами. Это время характеризовалось укреплением власти тартессийских царей, необходимым для проведения самостоятельной внешней и внутренней политики.

Х. Малукер де Мотес очень осторожно высказывает мысль о преемственности династий Норакса и Габиса⁴². Он считает, что установление Нораксом внешних торговых связей требовало пересмотра внутренней политики, который и должен был осуществить Габис. Действительно, его нововведения, направленные на обособление аристократии и закабаление плебса, очевидны. Однако Х. Малукер сам отмечает существенные различия между обеими династиями: цари первой будто бы наделены чертами континентальной, кельтской, мифологии⁴³, тогда как династия Гаргориса и Габиса находит прямые аналогии в ближневосточных монархиях. По мнению Х. Малукера, тартессийскую монархию характеризует слияние восточносредиземноморского и континентального кельтского элементов⁴⁴. Связь тартессийской мифологии с ближневосточной представляется нам несомненной. Что касается предполагаемых Х. Малукером аналогий с кельтской, то они, на наш взгляд, сильно преувеличены.

Благоприятные географические и природные условия Тартессиды включали ее в единый торговый и культурный средиземноморский ареал⁴⁵ и тем самым способствовали образованию городов. Династия Гаргориса отражает более высокий уровень общественного и политического развития Тартессиды. Она относится к периоду достаточно высоко развитого урбанизма, характеризует далеко зашедшую классовую дифференциацию общества, достигшего широкого развития внешних связей и пережившего второе общественное разделение труда.

³⁹ См. выше прим. 3.

⁴⁰ Maluquer de Motes, *Tartessos y su «historia»*, стр. 394.

⁴¹ Blázquez, *Fuentes...*, стр. 16; он же, *Tartessos y los orígenes de la colonización fenicia en Occidente*, Salamanca, 1968, стр. 14.

⁴² Maluquer de Motes, *Tartessos y su «historia»*, стр. 395.

⁴³ Там же, стр. 395. В подтверждение автор ссылается на работы: M. L. Alberto, *Onomástica personal primitiva de Hispania*, Salamanca, 1966, стр. 137 слл.; J. M. Blázquez, *Religiones primitivas de Hispania*, Salamanca, 1962, стр. 89.

⁴⁴ Maluquer de Motes, *Tartessos y su «historia»*, стр. 396.

⁴⁵ A. García y Bellido, *Tartessos y la koine mediterránea del período orientalizante*, «Actas del II Congreso Español de Estudios Clásicos», Madrid, 1964, стр. 590 слл.; J. de Mata Carriza, *El mensaje de Tartessos*, Sevilla, 1960, стр. 19.

Первую историческую династию тартессийских царей принято связывать с именем Аргантония⁴⁶. Некоторые реальные черты этого монарха известны благодаря Геродоту и отдельным упоминаниям других греко-римских авторов. Геродот (I, 163; 165) говорит об Аргантонии как о мудром и добром правителе, который на всем протяжении своего царствования оставался проводником филэллинской политики. Из его сообщений явствует, что тартессийские цари, подобно монархам Крита и Микен, были единовластными правителями. Аргантоний самостоятельно ведет переговоры с фокейцами и решает оказать им большую помощь серебром. В повествовании Геродота нет и намека на наличие каких-либо действующих органов государственного правления. Можно думать, что если таковые и существовали, то не играли активной роли в государственном управлении.

Вопрос о древности монархической власти в Тартессиде очень сложен. Греческая традиция в лице Геродота дает представление о времени правления только одного тартессийского монарха — Аргантония, их союзника во взаимоотношениях с финикийцами. Как мы уже говорили, оно должно совпадать с начальным периодом греко-тартессийских связей⁴⁷. Однако не следует видеть в Аргантонии родоначальника царской династии. Государство у тартессиев существовало задолго до появления греков на полуострове, когда единственными партнерами тартессиев были финикийцы. Уже тогда государство выполняло наряду с другими функцию посредника в финикийско-тартессийской торговле. Формой правления была, по-видимому, та же монархия, поскольку единственно о ней сохранились сведения в античной традиции. Таким образом, время правления древнейшей исторической царской династии должно относиться не позднее чем к IX в. до н. э.

Мы не должны удивляться тому, что греческая традиция сообщает имя только одного тартессийского царя. За свое недолгое пребывание в Тартессиде греки не могли основательно познакомиться с ее прошлым. К тому же оно, как и профиникийское направление политики предшественников Аргантония, не должно было импонировать греческим историкам. Дружелюбие и гостеприимство, проявленные Аргантонием по отношению к грекам, нашли естественный отклик в их традиции. Аргантоний стал для них едва ли не бессмертным, время его правления возросло до 120 лет.

В попытках решения вопроса о периоде правления Аргантония указание на его долголетие немаловажно. Известно, что персы разбили Фокею в 540 г. до н. э., когда Аргантония уже не было в живых (Herod., I, 165). Следовательно, его правление приходится на конец VII — первую половину VI в. до н. э.⁴⁸ Х. Малукер считает, что справедливее было бы говорить о том, что за это время сменились несколько тартессийских монархов, носивших одно и то же имя, наподобие Рамессидов в Египте Нового царства⁴⁹.

В последнее время сделана еще одна попытка⁵⁰ исторически истолковать подчеркиваемое Геродотом филэллинство Аргантония⁵¹. Если некоторые историки в нем видели сказочный элемент — образ доброго царя-патриарха, наподобие гомеровского Феака, — то Х. Малукер рассматривает это дружелюбие как известного рода политический расчет или как проявление свойственной разным народам и эпохам политики равновесия сил. Аргантоний награждает самосца Колея 60 талантами (Herod., IV,

⁴⁶ A. García y Bellido, *Tartessos*, HE, t. I, fasc. 1, Madrid, 1952, стр. 509; A. Тоvаr, *Tartessos en la historia y en la epigrafía*, «Actas del II Congreso Español de Estudios Clásicos», стр. 602; A. Blanco Freijeiro, *El problema de Tartessos*, там же, стр. 569; Schulten, *Tartessos*, стр. 92.

⁴⁷ Х. М. Бласкес считает, что Аргантоний родился в 670 г. до н. э., вступил на престол около 630 г. до н. э. и правил 80 лет (Blázquez, *Fuentes ...*, стр. 106). Ранее подобная точка зрения была высказана А. Шультемом (Schulten, *Tartessos*, стр. 94).

⁴⁸ W. F. Albright, *Syria. The Philistines and Phoenicia*, Cambr. 1962, passim; Schulten, *Tartessos*, стр. 94; Maluquer de Motes, *Tartessos ...*, стр. 399; Montenegro Duque, *Los pueblos del mar ...*, стр. 257.

⁴⁹ Maluquer de Motes, *Tartessos ...*, стр. 399.

⁵⁰ Ср. выше, прим. 18—19, 21.

⁵¹ Там же; Montenegro Duque, *Los pueblos del mar ...*, стр. 257 слл.

152), оказывает поддержку фокейцам — все это делается для ослабления своей зависимости от финикийцев.

Дополнительными аргументами в пользу такого вполне резонного толкования можно считать зарегистрированное традицией ухудшение отношений между финикийцами и тартессиями во второй половине VII в. до н. э. и обилие греческого импорта в Тартессиде начиная именно с этого времени⁵². В книге Исаяи (2, 16; 23, 1 слл.) сообщается об освобождении Таршиша из-под гнета финикийцев в результате падения Тира и Сидона. Это свидетельствует о том, что уже ранее VIII в. до н. э. (до захвата Тира ассирийцами) между тартессиями и финикийцами существовали враждебные отношения, которые привели к подпадению каких-то тартессийских территорий под власть Гадеса, а возможно, и метрополии. К этому же времени относится упрочение союзнических отношений между Финикией и Этрурией⁵³. Для восстановления политического равновесия в Западном Средиземноморье тартессийские цари проявляют настойчивое стремление наладить контакты с греками. Торговое и политическое содружество тартессиев и греков могло продолжаться вплоть до битвы при Алалии (40-е годы VI в. до н. э.).

О противоречиях между двумя межгосударственными союзами в первой половине VI в. до н. э. можно заключить из Авиена. Он говорит о наличии сухопутной дороги от Майнаке до Тартесса. Ее строительство было вызвано ухудшением отношений с финикийцами, которые, видимо, монополизировали более удобные морские пути между греческими и тартессийскими центрами. После поражения греков при Алалии Майнаке и их остальные колонии на территории Тартессиды прекращают существование. Победители-гадитане на рубеже VI—V вв. до н. э. переживают период наивысшего могущества. Именно на это время должно приходиться наибольшее число военных столкновений между тартессиями и пунийцами. Они явно не были удачны для первых, о чем говорит усиленное проникновение пунийцев в глубь тартессийской территории. Археология обнаружила остатки их поселений почти до верхнего течения Гвадалквивира. Поэтому известия об этих столкновениях могли быть только в недошедших до нас карфагенских источниках. Римляне не стремились увековечить военную славу своих соперников на Пиренейском полуострове. Нам оказался известным единственный эпизод из военной истории Тартессиды периода ее упадка. Это сражение царя Ферона с гадитанами.

• После разгрома греческих союзников и их изгнания с территории Тартессиды ухудшилось не только ее экономическое, но и политическое положение. Юстин сообщает, что тартессии, обеспокоенные усилением Гадеса, предприняли против него военный поход (Iust., XLIV, 5, 1). Более точные сведения оставил Макробий. Он повествует о выступлении Ферона против гадитанцев с целью захватить богатства их храма (Macrob., Sat. I, 20, 12). Многочисленные попытки обогащать казну подобным образом известны в Восточном Средиземноморье. Они всегда были связаны с бедственным положением государства. Поражение Ферона совпадает, по-видимому, с исчезновением Тартессиды как самостоятельного целого.

Можно думать, что Мастия с городами Syalis, Meanobora, Sixus, Molybdana выделилась из конфедерации несколько ранее 500 г. до н. э., поскольку Гекатей называет эти города мастиенскими, а не тартессийскими⁵⁴. Остальная часть Тартессиды распадается на ряд небольших государств-тайф. Их организация по карфагенскому принципу говорит о той роли, которую сыграл Карфаген в крушении Тартессиды.

Ферон, видимо, был последним тартессийским монархом. Для времени после распада его державы античная традиция сообщает о господстве многочисленных царьков (reguli) на ее бывших владениях. Возможно, поэтому Макробий (Sat. I, 20, 12) называет и Ферона царьком Ближней Испании.

⁵² B l á z q u e z, Fuentes ..., стр. 107.

⁵³ S. M o s c a t i, Italia sconosciuta, Roma, 1971, стр. 40 сл.

⁵⁴ H e s a t., frg. 7—11 Müller. О выходе Мастии из-под власти Тартессиды до 500 г. до н. э. см. также Ю. Б. Ц и р к и н, Фокейцы на Западе, Автореф. канд. дисс., Л., 1968, стр. 13.

А. Шультен произвольно относит правление Ферона к гораздо более ранним временам. Сообщения Юстина о сложностях во взаимоотношениях и открытой борьбе между гадитанами и тартессиями, о карфагенской военной помощи гадитанам А. Шультен истолковывает как факты, имевшие место в период становления Гадеса. Для полной убедительности он добавляет, что эту помощь оказали тирийцы, но через посредство Карфагена⁵⁵. Однако Х. Малукер справедливо считает, что трудно поверить в такую возможность, если вспомнить сложную обстановку в Восточном Средиземноморье XII—XI вв. до н. э.⁵⁶

К сожалению, для Тартессиды мы не обладаем не только перечнем атрибутов царской власти, подобным этрусскому (Dionys. Hal., III, 61 слл.), но даже сколько-нибудь подробными сведениями об отдельных знаках власти царей. Все, что нам известно о них, дает археология. Прежде всего, это многочисленные клады из южнотартессийских погребений IX—VII вв. до н. э. — Карамболо, Алиседы, Эворы, Кадикса⁵⁷. Определенный интерес представляют разрозненные находки диадем, оружия и т. д.⁵⁸

Древнейшим атрибутом тартессийских царей была, по всей видимости, диадема, видимо унаследованная ими от института родо-племенных вождей. Первоначально диадемы представляли собой тонкие, расширяющиеся в центральной части пластинки из золота. Нередко по их краю наносился простой орнамент в виде продырявленных кружков. Образец подобного рода найден в пещере Лос-Мурсьелагос де Албуньоль (Гренада)⁵⁹. Диадема была обнаружена около височной кости погребенного. О его высоком общественном положении свидетельствует также мумификация. Находка, датированная (благодаря анализу селитры) второй четвертью II тыс. до н. э., позволяет видеть в нем вождя одного из тартессийских племен.

Результатом длительной эволюции явилась диадема из клада Алиседы IX—VIII вв. до н. э.⁶⁰ Ее древнейшими прототипами можно считать ассирийские диадемы эпохи Ашшурбанапала и микенские XVI в. до н. э.⁶¹ Ближайшие параллели также следует искать на Востоке — среди родосских, коринфских и афинских диадем IX—VIII вв. до н. э.⁶² Диадема из Эворы⁶³ может быть сравнима с царской диадемой из этрусского погребения Реголлини-Галасси⁶⁴. Архаические греческие диадемы служили царскими insignиями и носили сакральный характер. Нет сомнения, что диадемы из Алиседы и Эворы также принадлежали царю.

Другим атрибутом царской власти в древнейших средиземноморских обществах была колесница. Она считалась принадлежностью верховного бога (Зевса, Тини, Юпитера). Находки колесниц в греческих и этрусских погребениях царей говорят об обожествлении их власти, сопоставлении образа монарха с верховным божеством. Колесницы из тартессийских погребений также могут свидетельствовать о сакральном характере царской власти в Тартессиде.

Древнейшие монархи отправляли на колеснице в последний путь умершего царя. В Этрурии колесница погребалась с остальным царским инвентарем. Впоследствии ее заменили макетами в натуральную величину⁶⁵. В Тартессиде известны маленькие

⁵⁵ Schulten, Tartessos, стр. 74.

⁵⁶ Maluquer de Motes, Tartessos ..., стр. 401.

⁵⁷ См. выше прим. 3, а также Montenegro Duque, Los pueblos del mar ..., стр. 261 слл.

⁵⁸ M. Almagro, Depósito de la Ría de Huelva, «Inventaria Archaeologica», I, 1958; он же, Las estelas decoradas del Suroeste peninsular, Madrid, 1966.

⁵⁹ J. Maluquer de Motes, Orfebrería de la España antigua, «Mineraria hispana e iberoamericana», Leon, 1970, стр. 11.

⁶⁰ Blázquez, Tartessos y los orígenes ..., рис. XXXVIII—XXXIX.

⁶¹ Там же, стр. 120.

⁶² A. García y Bellido, Hispania Graeca, I, Madrid, 1948, стр. 209, табл. CLXIII—CLXIV; он же HE, I, 3, рис. 418, 420—421.

⁶³ J. de Mata Carrizo, El cerro del Carambolo, «Tartessos y sus problemas», стр. 313, табл. III—IV.

⁶⁴ Blázquez, Tartessos y los orígenes ..., стр. 138.

⁶⁵ А. И. Немировский, Царская власть у этрусков, сб. «Норция», Воронеж, 1971, стр. 19.

макеты колесниц⁶⁶ и их изображения. Так, в центральной части стелы из Атегуа изображены два коня, впряженные в колесницу⁶⁷. Это — повозка на двух колесах наподобие греческих и этрусских⁶⁸.

Об остальных атрибутах царской власти Тартессиды можно говорить лишь в предположительной форме (трон и скипетр — их изображения видны на печати из Алиседы⁶⁹).

Рассмотрение атрибутов царской власти в Тартессиде позволяет поставить вопрос о ее характере. Можно думать, что первоначально власть царей, глав городов-государств, была пожизненной, но не наследственной. Герийон, по мифу, умирает в сражении с Гераклом, сохраняя вплоть до своей смерти царские полномочия. Лишь в процессе сложения государственности выборное правление сменяется наследственным: Габис наследует власть у деда; после его смерти конфедерацию долгое время возглавляют его потомки. Власть принимает централизованный характер.

После смерти Аргантония наступает период ослабления монархической власти. Прерогативы главы государства (конфедерации) становятся все более номинальными, сводясь к выполнению отдельных официальных, культовых или других почетных обязанностей. Во времени правления Ферона процесс распада Тартессийского союза достиг такой ступени, что восточные города не оказали ему помощи в походе против Гадеса. Можно думать, что царь в это время обладал в основном функциями жреца. На такую мысль наводят находки кладов в Карамболо и Эворе⁷⁰.

Их большой общий вес, размеры браслетов и отсутствие типично женских украшений говорят о принадлежности мужчине, а диадема, роскошное декорирование и филигранное мастерство служат свидетельством его высокого общественного положения. Их владелец был или царем, или — если принять во внимание очень близкие аналогии с украшениями жрицы и кладом из Эльче — царем-жрецом. Датировка находок подтверждает наше предположение.

Окончательная ликвидация власти главы союза происходит в результате распрей за сферы влияния на юге Пиренейского полуострова. Усиление карфагенского господства на юге и греческого на востоке Тартессиды ускорило тот необратимый процесс распада, который переживала Тартессийская конфедерация, и привело ее к гибели.

Ликвидация Тартессийского союза не повлекла за собой гибели его цивилизации. На территории Андалузии продолжают свое развитие несколько самостоятельных культурных общностей. Исчезновение Тартессийского государства означало для них переход от ориентализирующего этапа развития к следующему — иберийскому классического типа. Археологически уже в VI в. до н.э. внутри тартессийской цивилизации намечается раскол на две зоны: западную на базе древнейшей мегалитической культуры и восточную на базе эль-аргарской.

Турдетанская (западная) получает развитие в долине Гвадалквивира и на западных территориях, бывшей конфедерации, распространившись впоследствии до Садо и Тахо. Природные богатства и благоприятное географическое положение способствовали быстрому превращению западноиберийских городов в многонаселенные космополитические центры. Культурная общность Турдетании изучена к настоящему времени далеко не полно, но можно говорить о ее подразделении на три зоны: Альгарве, Алентехо и юг Эстремадуры.

Восточный ареал тартессийской культуры объединял всю восточную часть Андалузии, а также Альмерию и Леванте. Изучение этого культурного ареала сильно продвинулось в последние годы благодаря усилиям испанских и зарубежных ученых под руководством Археологического института Барселоны (директор Х. Малукер де Мотес).

⁶⁶ Blázquez, *Tartessos y los orígenes ...*, стр. 99—102; Arribas, *Los iberos*, Madrid, 1965, стр. 79; стр. 160—161.

⁶⁷ A. Blanco, J. M. Luzón, D. Ruiz Mata, *Panorama tartésico de Andalucía oriental, «Tartessos y sus problemas»*, стр. 152, табл. XIV—XV.

⁶⁸ Blázquez, *Tartessos y los orígenes ...*, стр. 99.

⁶⁹ Blázquez, *Tartessos y los orígenes ...*, стр. 131, рис. 36.

⁷⁰ См. выше, прим. 3.

Выделение восточного культурного ареала намечилось после битвы при Алалии, когда он подпал под греческое влияние. Лишившись возможности сотрудничать с тартессиями через Гибралтарский пролив, греки всеми силами стараются использовать сухопутные дороги. В это время на исконно иберийском побережье возникает множество греческих колоний и разветвленная сеть дорог, связывавшая прибрежные греческие колонии с внутренними (альмерийскими и тартессийскими) горно-металлургическими центрами. Так греки продолжают вмешательство в экономику Тартессиды, нарушая ее традиционный морской торговый обмен.

Политическое давление и вмешательство в экономику местного населения не могло не привести к проникновению элементов греческой идеологии и культуры в культуру восточных иберов. Это влияние проявляется в языке, письме, искусстве, религии и т. д. К типично греческому вкладу в иберийской культуре примешивается карфагенский элемент, прослеживающийся прежде всего в развитии ремесленного производства. Карфагеняне, преемники кипрских металлургов и тирийских торговцев, в значительной степени стимулировали экономическое развитие восточной зоны.

Краткий экскурс в историю Тартессийской конфедерации сделан нами для выяснения характера власти ее последних правителей. Ее распад на небольшие царства во главе с царьками, различные направления экономического, культурного и идеологического развития ее двух основных зон с несомненностью свидетельствуют об отсутствии фактического централизованного управления в последнее время существования Тартессиды и о давнишней тяге ее отдельных зон и городов к самостоятельному развитию.

В. И. Козловская

THE KINGS OF TARTESSIS

by V. I. Kozlovskaya

Ancient tradition tells of two legendary royal dynasties in Tartessis and one historical dynasty represented by the king Arganthonius. The legend about the first Tartessian dynasty puts it at about the time of the Mycenaean kings. To the second dynasty belong the cult heroes Gargoris and Gabis, who were credited with the introduction of plough cultivation and the establishment of a status-type class division in Tartessian society. The reign of the first historical king Arganthonius came in the period when the Tartessian state reached its greatest power. The phil-Hellenic policy of this king can be explained by fear of Punic domination, which was encroaching upon the immediate neighbourhood of the southern Tartessians and threatened Punic colonisation of the mine-rich and fertile valley of the Guadalquivir. When the Greek allies of Arganthonius had been overwhelmed the economic and political position of Tartessis was weakened. The attributes of Tartessian kingship — diadem, sceptre, throne, chariot — allow us to form an idea of its type. At first the office was held for life but was not hereditary. After the death of Arganthonius the monarchy began to weaken. The prerogatives of the king — who was head of the Tartessian confederation — became more and more nominal. In the reign of Phaeron the king's function of military commander may be said to have been abolished. The final liquidation of the monarchy was brought about by internal dissension. The strengthening of Carthaginian domination in southern Tartessis and of Greek domination to the east hastened the irreversible process of disintegration suffered by the Tartessian confederation.